

СПЕЦ. ЦЕНА

ЧИТАЙТЕ ВСЕ РОМАНЫ АЛЕКСАНДРЫ МАРИНИНОЙ:

Стечение обстоятельств
Игра на чужом поле
Украденный сон
Убийца поневоле
Смерть ради смерти
Шестерки умирают первыми
Смерть и немного любви
Черный список
Посмертный образ
За все надо платить
Чужая маска
Не мешайте палачу
Стилист
Иллюзия греха
Светлый лик смерти
Имя потерпевшего никто
Мужские игры
Я умер вчера
Реквием
Призрак музыки
Седьмая жертва
Когда боги смеются
Незапертая дверь
Закон трех отрицаний
Соавторы
Воюющие псы одиночества
Тот, кто знает. Опасные вопросы
Тот, кто знает. Перекресток
Фантом памяти
Каждый за себя
Замена объекта
Пружина для мышеловки
Городской тариф
Чувство льда
Все не так
Взгляд из вечности. Благие намерения
Взгляд из вечности. Дорога
Взгляд из вечности. Ад
Жизнь после Жизни
Личные мотивы
Смерть как искусство. Маски
Смерть как искусство. Правосудие
Бой тигров в долине
Оборванные нити
Последний рассвет
Ангелы на льду не выживают
Казнь без злого умысла

Адрес официального сайта Александры Марининой в Интернете
<http://www.marinina.ru>

АЛЕКСАНДРА МАРИНИНА

НЕ МЕШАЙТЕ
ПАЛАЧУ

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Маринина, Александра.

М26 Не мешайте палачу / Александра Маринина. — Москва : Эксмо, 2024. — 448 с. — (А. Маринина. Меньше, чем спец. цена).

ISBN 978-5-699-82176-1

После отбытия наказания из колонии выходит человек, которого хотят использовать в предвыборной гонке как козырную карту. Анастасии Каменской поручается обеспечить безопасность этого человека на пути в Москву. Вернувшись вместе с бывшими осужденными, она начинает расследовать серию загадочных убийств. Жертвы этих преступлений — люди, виновные в жестоких убийствах стариков, молодых девушек и детей. Кто же этот таинственный палач, карающий преступников?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алексеева М. А., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-699-82176-1

Все события, описанные в этом романе, являются вымышленными, а совпадения с реальными фактами — случайными.

Часть I

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Глава 1

— Ты знаешь об этом больше меня, и я не понимаю, почему ты обращаешься ко мне за помощью.

Высокий массивный человек в генеральской форме вышел из-за стола и принялся мерно, неторопливо расхаживать по своему просторному кабинету. Его собеседник сидел в кресле, закинув ногу на ногу, но его расслабленная поза и свободно лежащие на подлокотниках руки были лишь видимостью спокойствия и уверенности. Антон Андреевич Минаев внутри был как натянутая струна, хотя разговаривал в данный момент не с противником и не с собственным начальником, а с давним добрым приятелем еще с институтских времен. Правда, пришел он просить его об одолжении, о помощи, но ведь друзья... И по рангу равны, не только по погонам, но и по должности, хотя и в разных ведомствах.

— При чем тут мои знания, Саша? В данном случае информированность только мешает, — ответил Минаев. — Речь идет о том, что парень не доедет до Москвы, потому что его сожрут на первом же километре пути от зоны до вокзала. В моем подчинении сейчас нет оперативного состава, а выходить с просьбами к руководителям других подразделений — это все равно, что провалить всю затею. Я прошу тебя сделать только две вещи: запроси администрацию зоны, пусть дадут тебе оперативную информацию о нем, и помоги довести его до Москвы. Обстоятельства, которые имели место два года назад, заставляют

меня думать, что слишком многие проявят интерес к этому человеку, а я хочу встретиться с ним первым. Вот и все. Потом пусть сам выбирает, где и как ему жить и на кого работать, если вообще жить и работать, а не умереть и не валяться в морге.

— Какой у тебя к нему интерес? Учти, Антон, если ты собираешься ввязываться в политику — скатертью дорожка, но без меня. Я в эти игры не играю. Я могу сделать то, о чем ты просишь, хотя это и потребует определенных усилий, но я и пальцем не пошевелю, пока ты мне не объяснишь, зачем тебе этот злобный хулиган Сауляк.

— Причин много, Саша, — очень серьезно и даже немного грустно сказал Антон Андреевич. — Но одна из них — главная. Сауляк был агентом Булатникова и загремел в зону практически сразу же после его гибели. Ты же помнишь, как погиб Владимир Васильевич Булатников? И я хочу понять, кто упрятал парня и зачем. Хотели его сберечь? Или, наоборот, заставить молчать? И если так, то он должен дать мне выход на тех, кто знает, как и почему погиб Булатников. Пойми, Саша, Булатников был моим учителем, он возглавлял управление, когда я пришел туда работать старшим инспектором, и под его руководством и с его поддержкой я прошел весь путь от старшего инспектора до заместителя начальника управления. Мне нужен Сауляк, потому что только он знает, чем занимался Владимир Васильевич, когда вдруг так странно и нелепо погиб. И только сам Сауляк знает, как и почему он оказался за решеткой.

— Убедительно, — кивнул головой Александр Семенович, продолжая мерно расхаживать по просторному кабинету. — Когда заканчивается срок у твоего парня?

— Точно не знаю, где-то между 1-м и 15-м февраля.

— Что ж, время есть, как минимум дней десять. Я посмотрю, что можно сделать, Антон. Ничего не обещаю конкретного, сам должен понимать, такие вещи нужно планировать заранее, а за десять дней ничего толкового не родишь. Запрос в оперчасть зоны мы пошлем, правда, качество и полноту ответа я тебе гарантировать не могу. И насчет того, как его до-

везти до тебя, подумаем. Ты прости меня, Антон, давай встретимся не здесь, а дома. Сейчас уже пять минут четвертого, у меня на три часа назначено совещание, люди ждут.

Генерал Минаев тут же поднялся с низкого кресла, вскочил легко и без малейшего напряжения, из чего сразу стало понятно, что ни один его мускул ни на секунду не расслаблялся на всем протяжении разговора.

* * *

Заканчивая совещание, Александр Семенович Коновалов уже прикидывал, как наилучшим образом выполнить просьбу друга, чтобы при этом минимально нагружать дополнительной работой собственных подчиненных. Его должность вполне позволяла получить информацию об осужденном Сауляке, но вот с его доставкой из Самары могли возникнуть немалые сложности. Если Минаев сказал правду и Сауляк действительно был агентом самого Булатникова, то желающих заполучить его немедленно после освобождения найдется немалое количество. Владимир Васильевич Булатников был фигурой столь же влиятельной, сколь и никому не известной, кроме, разумеется, своих коллег. И только очень немногие знали, что почти за всеми перемещениями в высоких правительственных должностях, которые имели место в период между августом 1991 и октябрём 1993 года, за всеми скандальными разоблачениями этого периода, за всеми более или менее значительными событиями в то время стоял генерал-лейтенант Владимир Булатников. Никто не знал почему, никто не мог понять тех механизмов, которые он приводил в действие. Просто был узкий круг людей, которые знали: случись нужда — найди Булатникова. Этот человек может все.

Так по крайней мере представлял дело Антон Минаев, а уж верить ему или нет — это был вопрос второй. Александр Семенович меньше всего думал о том, как помочь другу, ибо проработал в органах внутренних дел столько лет, что привык в первую очередь думать

о деле, во вторую — об интересах своего ведомства и о собственных интересах, а о дружбе — в третью, а то и в четвертую. Если Антон ничего не преувеличил и не передернул, то этого Сауляка могут или похитить, или шлепнуть сразу же после того, как он переступит порог колонии. Если убьют — черт с ним, Сауляк — не фигура, не депутат, не народный артист и не журналист, известный своими скандальными разоблачениями. Его убийства никто даже и не заметит. Но если похитят, то кто знает, с какой целью. И кто знает, как много известно этому парню. Два года, которые Сауляк провел в колонии, он молчал и сидел тихо-нечко, как мышка за печкой, стало быть, своими горестными знаниями не пытался купить себе свободу. Поэтому вряд ли он начнет по собственной воле болтать, оказавшись по другую сторону тюремных ворот. Мало ли какие причины у него есть для молчания, но совершенно очевидно, что они есть, и слава Богу. А вот если кто-то захочет эту информацию использовать, то парня нужно будет похитить и развязать ему язык. Последствия, с одной стороны, непредсказуемы, но с другой — просчитываются легко, ибо начинается предвыборная гонка. Президент обещал не позднее 15 февраля объявить, будет ли он баллотироваться на второй срок. Стало быть, до 15 февраля еще есть возможность повлиять на его решение. Уж не нашлись ли желающие сделать бывшего агента разменной картой?

Совещание закончилось около пяти часов, в половине седьмого в учреждение, находящееся в Самарской области и имеющее сложный буквенно-цифровой код, ушла шифротелеграмма, и генерал Коновалов решил подождать ответа, прежде чем действовать дальше.

* * *

Ответ на шифротелеграмму пришел через три дня и ничем Александра Семеновича не порадовал. Фразы были гладкие, казенные, привычные, ни глазу, ни уму зацепиться не за что. За время отбывания наказания Сауляк Павел Дмитриевич, 1951 года рож-

дения, осужденный в марте 1994 года по статье 206, часть 3 УК РСФСР и приговоренный к двум годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии общего режима, ничем особенным не выделялся. С «отрицательской» не являлся, но и с администрацией не сотрудничал. Добросовестно трудился в пошивочном цехе, где осужденные создавали непревзойденные творения портновского дела — брезентовые рукавицы и палатки. Нарушений режима не допускал, посылок и писем не получал, на свидания к нему никто не приезжал. Вопрос об условно-досрочном освобождении им не ставился, но никаких особых оснований к этому и не было. Да, дисциплину соблюдал, но признаков того, что он осознал свою вину, раскаялся и искупил ее трудом, не наблюдалось. Замкнут, нелюдим, в контакт ни с осужденными, ни с представителями администрации не вступал. Сауляк был арестован 4 февраля 1994 года, соответственно срок лишения свободы исчислялся с момента заключения под стражу и 3 февраля 1996 года истекал.

Прочтя этот маловразумительный текст, генерал Коновалов пожал плечами. Он точно знал, что так, как написано, просто не бывает. Не может находящийся в колонии человек спокойно и мирно трудиться и ни с кем не конфликтовать и не контактировать. Либо его должна прикрывать администрация, либо он должен входить в группировку вокруг какого-нибудь лидера, в так называемую «семью». В любом другом случае конфликты и контакты неизбежны, и Сауляк должен был как минимум два-три раза дать в морду кому-нибудь, причем не слегка, а как следует, чтобы от него отстали, и получить за это пятнадцать суток штрафного изолятора, а то и все тридцать. Однако в ответе, пришедшем из колонии, было черным по белому написано, что нарушений режима за осужденным Сауляком не числится, а конфликтных отношений с другими осужденными у него нет, и это навело Александра Семеновича на грустную мысль о том, что либо сотрудник оперчасти, составлявший ответ, ничего не понимает в своей работе, либо тут что-то нечисто. Пожалуй, Антон Минаев прав, за этим Сауляком нужно присмотреть.

Еще день ушел у Александра Семеновича на то, чтобы решить, какими силами попытаться прикрыть загадочного агента-хулигана. До 3 февраля оставалось семь дней. Не так уж много, чтобы как следует подготовить комбинацию, а ведь ее еще надо было придумать... И генерал Коновалов позвонил человеку, которому, как он считал, он мог доверять полностью. Он позвонил в Управление уголовного розыска ГУВД Москвы, начальнику отдела по борьбе с тяжкими насильственными преступлениями полковнику Виктору Гордееву.

* * *

Настя Каменская давно уже не мерзла так отчаянно, как в эту зиму. В течение нескольких предыдущих лет температура в зимние месяцы крутилась вокруг нуля, под ногами постоянно было сыро и слякотно, сапоги протекали, а форточки в помещениях можно было держать открытыми круглые сутки. В этом году природа опомнилась и решила показать, что такое зима, чтобы народ не забывал.

По утрам Насте было холодно вылезать из-под одеяла, и это только добавляло ей страданий, потому что вообще утренний подъем был для нее мероприятием трагическим, особенно если за окном еще было темно. Вскочив с постели, она бежала на кухню, зажигала газ во всех четырех конфорках, после чего мчалась в ванную и становилась минут на десять-пятнадцать под горячий душ, ожидая, когда организм соизволит проснуться, а в кухне станет тепло. Каждый день, стоя под обжигающими струями воды, она думала об одном и том же: «За что мне это? Почему я должна так мучиться? Я так хочу лечь, у меня закрываются глаза, у меня подгибаются ноги, я ничего не соображаю, у меня кружится голова. Я не могу вставать в половине седьмого, я не могу, я не могу!» Но точно так же каждый день она выходила из ванной, наливала себе чашку крепкого кофе и стакан ледяного сока, и уже через четверть часа жизнь казалась ей вполне сносной, а недавние горестные причитания — глупыми и пустыми. Самыми тяжелыми были первые

минуты после подъема, и нужна была недюжинная сила воли, чтобы их пережить и не сломаться. Почему Настя Каменская была так устроена, никто не знал, но все привыкли, в том числе и она сама.

Сегодня она стояла под душем и в соответствии с заведенным порядком отчаянно жалела сама себя, когда из-за двери послышался голос мужа:

— Тебе гренки жарить на завтрак?

— Не надо, — ответила она страдальческим голосом.

— А что хочешь? Яичницу?

— Ничего не хочу. Хочу умереть.

— Понятно, — усмехнулся за дверью Алексей. — Значит, гренки. Кончай придуливаться, на кухне уже тропическая жара.

Она выключила воду и сразу почувствовала, как хорошо прогретая ванная начала наполняться холодным воздухом, коварно вползающим из-под двери. Настя торопливо вытерлась, завернулась в длинный теплый халат и метнулась в сторону кухни, где ее ждало спасительное тепло.

— Везет же некоторым, — с шутливой завистью пробормотала она, вонзая зубы в сочный кусок поджаренного белого хлеба с расплавленным сыром. — И на работу с утра пораньше бежать не надо, и встают по утрам как на праздник, без слез и мучений.

— Ага, — подтвердил муж, — везет же некоторым с мужьями. Терпеливые, любящие, и встают по утрам, чтобы завтрак жене приготовить, и по магазинам ходят, и с тяжелым характером супруги мирятся. Почему у тебя есть такой муж, а у меня такой жены нет?

— Выбирать не умеешь, — пожала плечами Настя. — За те пятнадцать лет, что ты меня домогался, ты вполне мог бы подыскать себе что-нибудь получше. Кто ж виноват, что ты уперся рогом — и ни в какую, подавай тебе меня. Между прочим, а ты чего вскочил в такую рань? Ты же вроде бы собирался сегодня дома работать.

— Я и сейчас собираюсь. Тебя, лентяйку, пожалел, встал, чтобы тебе завтрак приготовить.

— Спасибо, солнышко, я ценю, — благодарно

улыбнулась Настя. — Когда вам обещали зарплату выплатить?

— Нам не обещают, нам ее молча не выплачивают, — хмыкнул Алексей. — Как в ноябре не заплатили, так и молчат по сей день. А что, у нас намечаются проблемы?

— Еще не знаю, но вполне возможно. Нам тоже за январь не заплатили, но по крайней мере обещают со дня на день. На вчерашний день у нас с тобой было триста тысяч в заначке, неделю мы проживем на них, а потом что будем делать?

— Асенька, не забивай ты себе этим голову, — поморщился Алексей. — На этой неделе у меня четыре платные лекции, а на следующей — три. Протянем.

— Лешик, но из-за того, что тебе не платят зарплату с ноября, мы с тобой прожили твой последний учебник, просто съели его с первой до последней страницы вместе с введением, заключением и обложкой. Мы с тобой как-то неправильно живем, у нас нет стратегии, как зарабатывать деньги и как их тратить. Ты ведь помнишь, мы планировали отложить гонорар за этот учебник на годовщину свадьбы, чтобы поехать куда-нибудь. Завтра мы проедем твои лекции, а что мы будем делать послезавтра, если ни тебе, ни мне денег не дадут? Начнем продавать подарки, которые ты мне дарил?

— Ася, этот разговор, тем более в спешке, не имеет смысла, если у тебя нет конкретных предложений. Ешь, пожалуйста, быстрее, иначе опоздаешь на работу.

— У меня есть вариант, и я хочу, чтобы ты о нем подумал. Ты говорил, что во время последней конференции тебе сделали интересное предложение...

— Ася!

Алексей резко встал и отошел к окну.

— Ты ведь все равно со мной не поедешь. Я понимаю, тебе совершенно безразлично, где я нахожусь, рядом с тобой или за тридевять земель, в Канаде, ты ничего не видишь, кроме своей работы, и тебе ничего не нужно, кроме этой работы. Но я не хочу от тебя уезжать, я без тебя скучаю, я по тебе тоскую, и мы с тобой обсуждали этот вопрос неоднократно.

— Лешенька, ну что ты сердишься! Что мы с тобой

должны делать? С голоду подыхать? Ни ты, ни я не виноваты в том, что бюджетникам не платят зарплату, и поправить мы здесь ничего не можем. Это не в наших силах. Значит, кто-то из нас двоих должен зарабатывать деньги, другого выхода все равно нет. И если бы ты поехал на три месяца в Канаду и прочитал там свой курс, мы могли бы по меньшей мере год не думать о том, выплатят нам с тобой зарплату или нет.

— Не поеду, — упрямо мотнул головой Алексей. — Я и здесь заработаю, не помрем с голоду.

Они не поссорились, нет, Настя и Алексей вообще не ссорились практически никогда, но неприятный осадок от разговора остался, и на работу Настя пришла не в самом лучшем расположении духа. В кабинете было холодно, и она даже не могла бы точно сказать, отчего злится больше — от холода и не оставляющего ее озноба или от утреннего разговора с мужем. Неприятно было признаваться себе в том, что Лешка отчасти был прав: она действительно совершенно спокойно отнеслась бы к тому, что его целых три месяца не будет рядом. Она так привыкла жить одна, ни в ком не нуждаясь, что восемь месяцев жизни в замужестве еще не успели привить ей страх перед разлукой с супругом.

В десять часов предстояло идти к начальнику отдела на утреннюю оперативку, но без десяти десять к ней заглянул Коля Селуянов и сообщил, что оперативного совещания не будет.

— С чего это? — удивилась Настя. — Что-то стряслось?

— Не в курсе, — мотнул головой Селуянов. — Колбка с самого утра не было, а пять минут назад он позвонил и сказал, что приедет не раньше двенадцати.

— Ну, слава Богу, не заболел, — с облегчением улыбнулась она. — Все остальные неприятности мы как-нибудь переживем.

Работы было, как обычно, непочатый край. Настя куда-то звонила, что-то выясняла, наводила справки, уточняла сведения, чертила схемы, делала записи, хмурилась, фыркала, пила кофе, беспрестанно курила, но к вечеру почувствовала, что в голове немного прояснилось. Дважды в течение дня ей приходилось

прерывать свои увлекательные изыскания, потому что приходили свидетели, с которыми нужно было побеседовать. Эти поручения давал ей начальник отдела полковник Гордеев по прозвищу Колобок, поэтому, когда в восьмом часу вечера Настя снова услышала его голос по внутреннему телефону, она решила, что под конец дня подоспел еще один свидетель, которым ну совершенно некому заняться, кроме нее, дурочки.

— Зайди, — коротко бросил Гордеев, и Настя отметила, что голос у начальника не очень-то похож на благодушный. Интересно, когда же это она успела провиниться и в чем? Ведь не далее как два часа назад Виктор Алексеевич разговаривал с ней спокойно и дружелюбно, называл деточкой и хвалил за удачно найденное решение.

Вопреки ее ожиданиям, начальник вовсе не выглядел сердитым или расстроенным.

— Садись, — кивнул он, когда Настя вошла. — И постарайся ничему не удивляться. Скажи, пожалуйста, ты газеты читаешь хотя бы иногда?

— Хотя бы иногда, — с улыбкой подтвердила она. — Но это «иногда» случается крайне редко.

— И телевизор не смотришь?

— Смотрю, но тоже нечасто.

— Значит, политикой не интересуешься?

— Ни в малейшей степени, — твердо заверила она начальника.

— Это плохо. Придется проводить с тобой ликбез.

— Может, не надо, Виктор Алексеевич? — жалобно попросила Настя. — Не люблю я этого.

— Надо, деточка, иначе ты ничего не поймешь.

— Что, так сложно? — усмехнулась она недоверчиво.

— Для меня — нет, но я газеты читаю, в отличие от тебя. Значит, так, Стасенька. Жил-был когда-то генерал-лейтенант Булатников, начинал работать в КГБ, заканчивал там же, только название было другое. И был у него особо доверенный человек, агент. Сауляк Павел Дмитриевич. В девяносто третьем году, вскоре после октябрьских событий, генерал-лейтенант Булатников погиб при невыясненных обстоя-

тельстввах, а еще через некоторое, очень короткое, время Павел Сауляк оказался под судом и отправился прямым ходом в места лишения свободы.

— Несчастный случай? — спросила Настя. — Или сам подсел?

— Кто ж его знает, кроме самого Павла Дмитриевича, — развел руками Гордеев. — Но через неделю, 3 февраля, срок наказания у него заканчивается, и он выходит на свободу. С ним пока все. Вернемся к Булатникову. У Владимира Васильевича Булатникова были две вещи, которые одинаково важны нам с тобой на сегодняшний момент. Во-первых, у него была репутация человека, который очень многое может, очень многое делает, но еще больше — знает. И во-вторых, у него был ученик, человек, которого он пестовал много лет, поднимал по служебной лестнице, отшлифовывал его мастерство и в конце концов довел его до должности собственного заместителя. Фамилия этого человека — Минаев, Антон Андреевич Минаев. После гибели Булатникова на его место пришел другой человек, заместитель из числа людей Булатникова его не устроил, и Минаеву пришлось перейти в другую службу, но в рамках все того же ведомства. И поскольку генерал-майор Минаев — человек, помнящий добро очень хорошо, мысль о непонятной гибели своего покровителя и учителя все это время не давала ему покоя.

— И он хочет задать несколько вопросов Павлу Дмитриевичу?

— Совершенно верно, — кивнул Гордеев.

— Так в чем проблема? Он не умеет задавать вопросы? Или он не хочет светиться и встречаться с этим типом лично?

— Все он умеет и хочет. Но он, видишь ли, деточка, боится, что Сауляк до него просто не доедет.

— Почему же?

— Ну вот, конечно, я так и знал, что придется тебе все объяснять. Ты что, не понимаешь, кто такой Сауляк?

— Нет, не понимаю. Что я должна понимать, кроме того, что он — комитетский агент? То обстоятельство, что вскоре после смерти Булатникова он ока-

зался за решеткой, говорит только о том, что он слишком много знает, причем независимо от того, по чьей воле он туда отправился, по своей или по чужой. Причина для этого была только одна, и она очевидна.

— Ну вот, а говоришь, что не понимаешь. Значит, ты должна отдавать себе отчет в том, что больше ста метров от ворот колонии Сауляк не пройдет. И если пройдя эти сто метров, он умолкнет навсегда, то это еще полбеды, как бы кошунственно это ни звучало. Второй вариант грозит нам большими неприятностями.

— Вы думаете, его захотят похитить, чтобы вытрясти из него все, что он знает?

— Мне приходится так думать. Видишь ли, деточка, ученик Булатникова генерал-майор Минаев располагает сведениями о том, что примерно три-четыре месяца назад кто-то стал проявлять активный интерес к осужденному за хулиганство Павлу Дмитриевичу. И у него есть все основания полагать, что к Сауляку начали подбираться, причем даже не с одной стороны, а с двух, а то и с трех. Сауляк работал на Булатникова и, во-первых, может знать, кто и почему убрал генерала, а во-вторых, может знать много такого, что очень пригодится в начинающейся предвыборной гонке. В этом деле, как ты понимаешь, все средства хороши, и каждый действует по мере собственного разума. Кто-то начнет клеймить сволочей-руководителей и добиваться, чтобы были выплачены задолженности по зарплате и пенсиям, кто-то будет доказывать, что придумал самый эффективный способ прекращения чеченской кампании, а кто-то начнет землю рыть в поисках компры на соперника и его группировку.

— Ну и прекрасно. Так я все равно не понимаю, в чем проблема. Что, у генерала Минаева нет возможности обеспечить Сауляку охрану? Почему эта проблема вдруг стала вашей, а не его?

— Потому что Антон Андреевич Минаев не имеет в своем распоряжении оперативных аппаратов и не хочет огласки. Потому что Антон Андреевич Минаев

обратился со своей проблемой к своему старому приятелю Александру Семеновичу Коновалову, а генерал Коновалов, в свою очередь, переложил ее на мои плечи. И потому что обеспечивать охрану Сауляка бессмысленно. Количество перейдет в качество, но суть результата от этого не изменится. Если Сауляка будет охранять один человек — убьют или похитят обоих. Если на его охрану выделить пять человек — для достижения цели к воротам колонии явятся человек десять бандитов. Если вокруг Сауляка выстроить роту — понадобится войсковая операция, чтобы его достать. Но его же все равно достанут, пойми это. Два года он молчал, два года от него не просочилось никакой информации, но это совершенно не означает, что он ею не располагает. И те, кто сейчас проявляет к нему такой интерес, хотят эту информацию из него вытрясти, чтобы использовать в политической игре.

— Ну и пусть используют, — пожала плечами Настя. — Нам-то с вами что за печаль? На то она и игра, пусть резвятся.

— Ничего-то ты не понимаешь, — покачал лысой головой Гордеев по прозвищу Колобок. — Во-первых, я получил приказ от генерала Коновалова, не выполнить который я не могу. У него есть оперативная информация о том, что готовится убийство или похищение человека, и он дает мне задание это преступление предотвратить. Все, деточка, разговор окончен, сколько бы я ни дергался. Во-вторых, это мы с тобой — майор да полковник, люди тихие и незаметные, а они — генералы, лица, приближенные к императору. Им этот Сауляк тоже нужен, потому что оба они наверняка в чьей-нибудь команде. И хорошо, если в одной. Потому что если в разных, то мы с тобой еще хлебнем дерьма от них же. И вот я спрашиваю тебя, деточка: знаешь ли ты, что нужно сделать, чтобы довести Павла Дмитриевича Сауляка от колонии в Самарской области до столицы нашей родины живым и невредимым?

— Знаю, — сказала она. — Я знаю, что нужно сделать. Только я не очень себе представляю, как это сделать.

Он был спокоен и терпелив, как впавшая в анабиоз ящерица. До конца срока всего шесть дней, но его это оставляло равнодушным, потому что он никак не мог решить, хорошо это или плохо. Сауляк ежедневно читал газеты с того самого дня, как оказался в этой зоне, чтобы понимать, миновала ли опасность, но так и не понял. То ему казалось, что можно выходить, что ничего плохого с ним уже случиться не может, то вдруг опять что-то происходило во внутренней политике, и он считал за благо отсидеться в тиши. Не имея за плечами ни одного нарушения режима, постоянно перевыполняя нормы выработки в цехе, он в любой момент мог подойти к начальнику отряда и сказать, что хочет похлопотать об условном или условно-досрочном освобождении. Причин для отказа не нашлось бы, и суд наверняка удовлетворил бы ходатайство. Но Павел Сауляк так и не воспользовался этим. Не было у него уверенности, что там, снаружи, на воле, он будет в безопасности. И что его ждет через шесть дней? Может, выкинуть какой-нибудь фортель, пока не поздно, и намотать себе дополнительный срок? Или все-таки выйти?

Сауляк имел собственные принципы работы, и одним из этих принципов был запрет на повтор одного и того же приема, если это может привести к расшифровке. В первый раз, два года назад, он намеренно совершил преступление и отправился за решетку, там ему было спокойно и безопасно. Но, если есть люди, которые за ним наблюдают и ждут, когда он выйдет, они сразу догадаются, что он их боится, если за несколько дней до освобождения он сделает все для того, чтобы не выйти из зоны. Трюк дешевый и всем известный. Пока можно делать вид, что ничего особенного не знаешь, что два года назад действительно напился и нахулиганил, с кем не бывает, и тебе даже в голову не приходит, что кто-то может за тобой охотиться, что ты для кого-то представляешь интерес. Почему не приходит? Да потому что в этой голове и нет ничего интересного, так, глупости одни. А вот если показать свой страх, это все равно что при-

знаться: да, ребята, я много знаю, да такого, что у вас волосы на ушах сначала вырастут, потом зашевелиятся, а потом все от ужаса выпадает. Тогда точно кранты. Тогда в любой зоне достанут, ни за чем не постоят, никаких денег не пожалеют на взятки, а достанут.

Павел повернулся на койке, почувствовал, как занял бок — давал себя знать холецистит, сел, спустив ноги на пол. Барак спал или делал вид, что спит. Сауляк знал, что в этой обманчивой тишине чего только не происходит...

Он натянул сапоги и пошел по проходу, не топая, но и не стараясь особо не шуметь. Походка у него была мягкая и легкая, и он без всяких дополнительных усилий передвигался почти бесшумно.

— Ты куда, Черенок? — слышался шепот сзади. — Гляди, нарвешься.

Павел даже головы не повернул. Он знал, что единственным человеком, который не хочет, чтобы Сауляк вышел из зоны, был молоденький первоходок Коля, осужденный за дурацкую кражу еще по малолетке и переведенный во взрослую колонию по достижении восемнадцати лет. Коля пришел в зону совсем недавно, месяца два назад, и его невысоким, ладно скроенным телом сразу же заинтересовались любители. Сауляк, который дал себе зарок ни с кем не контактировать в колонии в целях собственной же безопасности, вынужден был отступить от данного себе слова, потому что пожалел мальчишку. Краем уха он ловил разговоры, ведущиеся вокруг того, «как бы Кольку опустить половчее», и терпеливо ждал, когда подонки приступят к осуществлению своего замысла. Ждать пришлось недолго, заводилы наконец договорились о порядке очередности. Сауляк глаз с мальчишки не спускал, и когда понял, что «вот, началось», тихо подошел к двери, за которой укрылись насильники. Возле двери, разумеется, стояли двое жлобов, которых поставили «на атас», пообещав дать попользоваться Колей после паханов, но они не являли собой препятствия для Павла. Давно еще, спустя только месяц после прихода Павла в зону, все знали, что связываться с ним нельзя. Себе дороже. Поэтому за-

видев бесшумнодвигающуюся почти бесплотную фигуру Черенка, они только и думали о том, как бы не встретиться с ним взглядом.

Дверь оказалась запертой, Сауляк не глядя протянул руку и с удовлетворением почувствовал, как в ладонь лег теплый металлический ключ, послушно положенный одним из жлобов. Он резко повернул ключ в замке и рванул дверь. Еще ничего не случилось, он успел. Коля стоял, согнувшись вперед, за руки и за ноги его держали четыре сукиных сына, а тот, чья очередь по жребию или по договору была первой, уже спустил штаны и с шуточками и прибаутками демонстрировал собравшимся свой прибор в полной боевой готовности. Зрелище было устрашающим, потому что под кожу полового члена, и без того имевшего от природы внушительные размеры, были вшиты шарики — предмет особой гордости этого придурочного пахана. Сауляк лишь на мгновение представил себе, какую дикую боль испытает бедный мальчишка, когда это жуткое сооружение разорвет его анус, но этого мгновения было достаточно, чтобы все разом прекратилось. Гордо торчащий вперед и вверх толстый длинный член вдруг начал сжиматься у всех на глазах и обвисать, как воздушный шарик, из которого выпускали воздух. Все стояли молча, не произнеся ни слова, оцепенев, хотя, по сути, ничего сверхъестественного не произошло. Не покойник же к ним явился с того света, а Черенок, такой же зек, как они сами. Все они знали, что Черенок не продаст, не стукнет. За два года много чего происходило на его глазах, его даже прямо провоцировали на стукачество, ожидая, что он ссучится и потом можно будет с чистой совестью устроить ему судилище, да так и не дождались. Но все замерли, вперив глаза в пол. Сауляк взял Колю за плечо и вывел наружу. Парнишка рыдал в голос, даже не пытаясь спрятать лицо, до того он был напуган.

— Не реви, — сухо сказал ему Павел. — Все уже кончилось. Больше не повторится.

— Откуда ты знаешь? — всхлипнул Коля. — Ты у них главный, что ли?

— Нет. Но я знаю.